Археологические вести

— 30 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

30
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

30
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 30** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 368 с.: ил.

В очередной номер журнала «Археологические вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии и истории. В разделе «Новые открытия и исследования» рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до средневековья. В ряде работ обсуждаются вопросы хронологии археологических памятников разных эпох, в частности, чустской культуры в Ферганской долине, тагарской в Минусинской котловине, уточняется датировка основного культурного горизонта поселения раннежелезного века Марьянское 1, находящегося в Краснодарском крае, и время сокрытия двух гнёздовских кладов рубежа IX–X вв. Кроме того, две статьи посвящены изучению первоначальных укреплений Старой Ладogi и результатам исследования палеопочв, подстилающих культурный слой этого памятника.

В специальном разделе «Актуальные проблемы археологии» представлены результаты изучения поселения Балка Лисовицкого эпохи бронзы на Таманском полуострове, обосновывается место происхождения и распространения больших прямоугольных пряжек из сибирского гагата в эпоху хунну, а также обсуждается вопрос об особенностях древнерусских фортификационных сооружений. Отдельный раздел посвящен истории науке, также в журнале приводится информация о международных конференциях. Среди авторов журнала ученые из различных научных центров России.

The current issue of “Archaeological news” includes articles devoted to the most recent researches in the sphere of archaeology and history. The section “New discoveries and studies” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the Middle Ages. A series of articles discuss questions of chronology of archaeological sites of different epochs, in particular, of the Chust culture in the Fergana Valley and the Tagar culture in the Minusinsk Kettle; a more precise dating is proposed for the main cultural horizon of the Early Iron Age site of Maryanskoye 1 in Krasnodar Kray and the date of burying of two Gnezdovo hoards at the turn between the 9th and 10th century. In addition, two articles are dedicated to studies of the original fortifications of Staraya Ladoga and the results of investigations of palaeosoils underlying the cultural layer of this site.

The special section “Topical problems of archaeology” presents the results of the investigation of the settlement-site of “Lisovitsky Balka” of the Bronze Age on the Taman Peninsula; the provenience and distribution of large rectangular buckles from Siberian jet of the Xiongnu period are grounded, and the problem on the features of Old-Russian fortifications is discussed. A separate section is dedicated to the history of science. This yearbook also presents information on international conferences. Among the authors of the volume there are researchers from different scientific centres of Russia.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — пластина-пряжка, Салхит, Монголия (Treasures..., 2011. P. 135, fig. 172)

First page of cover — plate-buckle, Salkhit, Mongolia (Treasures..., 2011. P. 135, fig. 172)

Четвертая страница обложки — пряжка, могильник Культобе в Южном Казахстане (Подушкин, 2012. Рис. 1, 5)

Fourth page of cover — buckle, cemetery of Kultobe in Southern Kazakhstan (Подушкин, 2012. Рис. 1, 5)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Археологические комплексы степного типа и проблема абсолютной датировки чустской культуры Ферганской долины¹

Ю. Г. Кутимов, И. Ж. Тутаева²

Аннотация. Согласно данным естественнонаучных методов датирования, в настоящее время нижняя граница абсолютной хронологии чустской культуры позднего бронзового — раннего железного века Ферганской долины определяется XV–XIV вв. до н. э. Это существенно противоречит стратиграфическим и сравнительно-типологическим наблюдениям на памятниках «общности лепной расписной керамики» Средней Азии. Анализ взаимовстречаемости чустских и степных компонентов на памятниках Ферганской долины позволяет определять время существования чустской культуры в пределах XII–IX вв. до н. э.

Annotation. According to the results of natural-scientific methods of dating, the lower boundary of the absolute chronology of the Chust culture of the Fergana Valley of the Late Bronze Age — Early Iron Age is presently dated to the 15th–14th century BC. However, this date runs contrary to stratigraphic and comparative-typological evidence from the sites of the “Community of painted pottery” of Central Asia. Analysis of the mutual occurrence of Chust and steppe components at sites of the Fergana Valley allows archaeologists to define the time of the existence of the Chust culture to within the 12th–9th century BC.

Ключевые слова: Средняя Азия, Ферганская долина, поздний бронзовый век, чустская культура, памятники степного типа, абсолютная хронология.

Keywords: Central Asia, Fergana Valley, Late Bronze Age, Chust culture, sites of the steppe type, absolute chronology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-30-29-42

Территория распространения чустской культуры позднего бронзового — раннего железного века охватывала практически всю северо-восточную часть современной Ферганской долины. Среди ее наиболее известных и изученных памятников:

¹ Кутимов Ю. Г. выполнил свою часть исследования в рамках выполнения программы ФГНИГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Кутимов Ю. Г. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: yuriuz@rambler.ru. Тутаева И. Ж. — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: stavri-das.win56@yandex.ru.

поселение Чуст, площадью 4 га и культурным слоем от 1,5 до 3,0 м, с этого первого памятника началось изучение чустской культуры, археологические исследования на котором с перерывами велись в 1950–1980-х гг. (Воронец, 1954; Спришевский, 1957; 1963; Заднепровский, 1962; Заднепровский, Матбабаев, 1984); поселение Дальверзин — самое крупное чустское поселение площадью 25 га, культурные отложения которого достигают более 3 м, археологические раскопки здесь проводились Ю. А. Заднепровским в 1950–1970-х гг. (Заднепровский, 1962; 1978) и Б. Х. Матбабаевым в 2000-е гг. (Матбабаев и др., 2006); Ошское поселение площадью около 1,5 га и культурным слоем около 1 м, расположенное на южном склоне горы Сулайман-Тоо, изучено под руководством Ю. А. Заднепровского в 1978–1984 гг. (Заднепровский, 1997).

В настоящее время на территории Ферганской долины известно более 80 памятников чустской

культуры, в основном это поселения различной площади: большие (13–25 га), средние (4–5 га) и малые (до 1 га). Главным образом они концентрируются в северных и восточных областях Ферганской долины, компактными группами располагаясь в границах речных оазисов на расстоянии 20–30 км друг от друга (Древнейшие государства, 1985. С. 193). Одной из наиболее дискуссионных проблем изучения чустской культуры остается проблема ее абсолютной хронологии.

Один из первых исследователей чустской культуры М. Э. Воронец на основании находок бронзовых изделий на поселении Чуст включил ее в круг культур эпохи бронзы и датировал III–II тыс. до н. э. (Воронец, 1954. С. 56–57). В. И. Спришевский отнес хронологические рамки чустской культуры к середине–концу II тыс. до н. э., руководствуясь сходством чустской керамики с материалами южнотуркменского древнеземледельческого поселения Анау и кавказскими аналогиями каменных наконечников булавы (Спришевский, 1957. С. 49; 1963. С. 12). Основным исследователем чустских древностей Ю. А. Заднепровский в одной из своих первых публикаций, посвященной вопросам изучения чустской культуры, датировал время ее существования концом II — началом I тыс. до н. э., сопоставив материалы раскопок Дальверзина с материалами некрополя Сиалк в Иране и памятниками андроновской культуры степной зоны Евразии, в частности Алексеевского поселения (Заднепровский, 1957. С. 56).

В 50-х гг. XX в. на территории Южного Туркменистана были открыты и исследованы памятники типа Яз I (Массон, 1959). Близкое сходство керамических комплексов, характеризующихся наличием лепной посуды, расписанной черной краской по красно-ангобированному фону или красно-коричневой краской по светло-ангобированному фону, дали основания объединить чустские и язовские комплексы в так называемую общность культур расписной керамики. Стратиграфические наблюдения показали, что памятники типа Яз I в Южном Туркменистане непосредственно подстилаются слоями позднего Намазга VI. Это позволило отнести археологические комплексы типа Яз I к концу позднего бронзового — началу раннего железного века и датировать их рубежом II–I тыс. до н. э. (Массон, 1959. С. 91). Исходя из культурных связей чустских и язовских памятников, предполагающих их близкое родство, этим же временем была датирована и чустская культура Ферганы (Заднепровский, 1962. С. 70; 1978).

Применение радиоуглеродного метода датирования позволило Ю. А. Заднепровскому пересмотреть хронологические рамки чустской культуры Ферганской долины. Серия датировок трех основных памятников чустской культурной общности (поселений Чуст, Дальверзин и Ошское), полученная в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА/ИИМК РАН, опубликована и подробно проанализирована в одной из последних монографий исследователя (Заднепровский, 1997. С. 73–76). Судя по полученным результатам радиоуглеродного датирования чустских памятников, разброс шкалы хронологии чустской культуры составляет от XXV до VIII в. до н. э. Однако примерно половина всех взятых на анализ образцов показала возраст в пределах XV–XIV вв. до н. э., что позволило Ю. А. Заднепровскому отнести нижнюю хронологическую границу чустской культуры к середине II тыс. до н. э. (Там же. С. 77). Привлекая в своем исследовании материалы с территории Южного Туркменистана периода Намазга VI, в том числе результаты немногочисленных и зачастую противоречивых радиоуглеродных анализов памятников типа Намазга VI и Яз I, Ю. А. Заднепровский высказал предположение, что хронологические рамки чустской культуры в целом могут быть синхронны периоду Намазга VI и, возможно, включают в себя все II и начало I тыс. до н. э. (Там же. С. 81).

Аналогичная корректировка абсолютной хронологии чустской культуры с помощью естественнонаучных методов исследования была предложена на основе спектрального исследования металлических изделий и сопоставления их химических составов (Рузанов, 1999). Исследователь выделил два этапа развития чустской культуры. Первый этап (дальверзинский) датируется серединой XIV — концом IX в. до н. э. и синхронизируется с такими археологическими комплексами, как Кузали, Молали и Бустан сапаллинской культуры, бишкентской и вахшской культурами, могильниками Чакка, Тандырйул и Дашти-Кози, а также бургулюкской и ранним этапом кайраккумской культуры. Второй этап (чустский) относится к концу IX — первой половине VIII — VII в. до н. э. и синхронизируется с материалами поселения Кучук II кучукской культуры, ранними комплексами Кызылча 6 и поздними этапами кайраккумской культуры (Рузанов, 1999. С. 32–35; 2013. С. 236).

Рассматривая результаты исследований, основанных на различных способах датировки чустской культуры Ферганской долины, отметим

следующее. Традиционные методы датирования, основанные на сравнительно-типологическом анализе археологических материалов, синхронизируют чустскую культуру с памятниками позднего бронзового — раннего железного века, главным образом с южнотуркменскими комплексами типа Яз I, время существования которых по традиционной шкале хронологии относится к концу II — началу I тыс. до н. э. Результаты естественнонаучных методов датирования (радиоуглеродный и химический анализ металлических изделий) значительно удревняют традиционные хронологические рамки чустской культуры, тем самым расширяя возможный круг культурных связей чустского населения с другими культурами Средней Азии позднего бронзового века. Судя по этим данным, нижняя хронологическая граница существования чустской культуры относится к середине II тыс. до н. э., или к XV–XIV вв. до н. э., а верхняя — к первой четверти I тыс. до н. э., или к VIII–VII вв. до н. э.

Принимая во внимание вышеизложенное, рассмотрим проблему абсолютной хронологии чустской культуры Ферганской долины в контексте культурных связей чустского населения с племенами степного типа. Археологические материалы южных районов Средней Азии наглядно свидетельствуют, что в ходе освоения и жизнеобитания степных племен на территории Средней Азии они вступали в активное культурное взаимодействие с местным населением оседлого типа. Условия обитания в позднем бронзовом веке в Средней Азии способствовали активным контактам земледельческого и скотоводческого населения. Кочевники, заняв удобные пастбища вблизи земледельческих оазисов, получали возможность развивать социально-экономические отношения с оседлым населением. Интенсивность и формы контактов влияли на формирование культурной среды обеих групп населения. На территории Южного Туркменистана фиксируется значительное количество керамики степного типа в культурных слоях древнеземледельческих поселений времени Намазга VI (Кутимов, 1999; 2014). На погребальных памятниках сапаллинской культуры Южного Узбекистана, особенно молалинского и бустанского времени, влияние степного компонента на местную культуру носило самый широкий характер, в результате чего постепенно трансформировались традиционные обычаи и менялись мировоззренческие системы (Авансова, 2013. С. 525). На территории Таджикистана

отмечаются активные культурные контакты древнеземледельческого молалинского населения и степных андроновских фёдоровских племен, в результате которых появляются погребальные комплексы смешанного типа (Виноградова, 2004. С. 72–76; Кутимов, 2019. С. 164–169).

В эпоху бронзы на территории Средней Азии культурное взаимодействие степного и оседлого населения в археологическом отношении фиксируется весьма разнообразно: от наличия в одном археологическом комплексе разнородных предметов материальной культуры (например, степная керамика в культурных слоях оседло-земледельческих памятников или земледельческая керамика в погребениях степного типа) до ярко выраженного культурного синкретизма и появления смешанных археологических комплексов.

При рассмотрении вопросов культурного взаимодействия в позднем бронзовом веке на территории Средней Азии, в том числе и Ферганской долины, необходимо акцентировать внимание на фактах совместных находок разнородных оседло-земледельческих и степных компонентов, которые могут иметь определяющее значение для составления региональных хронологических схем.

Как было отмечено, стратиграфические наблюдения раскопок памятников культуры типа Яз I на территории Южной Туркмении показали, что во всех случаях материалы этого типа перекрывают слои позднего Намазга VI. Вместе с тем на ряде памятников (Намазга-депе, Елькен-депе, Теккем-депе, Серманча-депе) в самых верхних слоях вместе с земледельческой керамикой, типичной для позднего Намазга VI, обнаружена керамика так называемого степного облика. Ее находки свидетельствуют о непосредственных культурных контактах местного оседло-земледельческого и пришлого степного населения. Наиболее показательными в этом отношении являются материалы поселения Теккем-депе, где найдено большое количество керамики степного типа, в том числе фрагменты, изготовленные в смешанных технологических традициях — способ формовки, фактура и орнаментация черепков степные, но при этом их внешняя и внутренняя поверхности в два слоя покрыты ангобом (Щетенко, Кутимов, 1999. С. 120). Типологически данная керамика восходит к саргаринско-алексеевской культурной традиции керамического производства и хронологически относится к заключительному периоду существования андроновской культурной общности, который определяется

в пределах XIV–XIII вв. до н. э. (Кутимов, 1999. С. 320; Щетенко, Кутимов, 1999. С. 119).

Таким образом, заключительные фазы развития культуры времени Намазга VI на территории Южного Туркменистана в целом синхронизируются с саргаринско-алексеевским периодом андроновской культурной общности.

В то же время достоверных случаев совместного нахождения в одном слое саргаринской и язовской керамики на памятниках Южной Туркмении не выявлено, хотя круг памятников типа Яз I достаточно обширен и охватывает не только ее южную прикопетдагскую часть, но и юго-восточные области — дельту Мургаба. На памятниках Южной Туркмении сплошная стратиграфическая колонка слоев от эпохи бронзы до раннего железного века имеется на поселениях Елькен-депе и Улуг-депе.

На поселении Елькен-депе слои с материалом типа позднего Намазга VI (Елькен I) содержат керамику степного саргаринского типа в виде фрагментов посуды с прочерченным орнаментом, налепными валиками и насечками по венчику (Марущенко, 1959. С. 60, табл. V). Слой Елькен II, характеризующийся появлением большого числа лепной расписной керамики типа Яз I, не содержит керамики степного типа, хотя на отдельных фрагментах язовской (?) керамики встречаются гладкие налепные валики (Там же. С. 63, табл. XVIII). Слой Елькен II перекрывает слой Елькен I, при этом в основании слоя Елькен II лежит мощная платформа из глиняных кирпичей (Там же. С. 63). Исследователь поселения Елькен-депе А. А. Марущенко считал, что между керамическими материалами Елькен I и Елькен II имеются параллели, «несмотря на резкое отличие в общем облике» (Там же. С. 64).

На поселении Улуг-депе находки степной керамики отсутствуют. В стратиграфических шурфах В. И. Сарияниди было установлено, что слои с расписной керамикой типа Яз I (Улуг II) лежат на слоях позднего бронзового века с керамикой типа Намазга VI (Улуг III) (Сарияниди, 1972. С. 53–54). Раскопки французской археологической миссии на Улуг-депе выявили, что слои с расписной керамикой типа Яз I (эпоха раннего железа) лежат на слоях времени Намазга V (эпоха средней бронзы), при этом материалы типа Намазга VI (эпоха поздней бронзы) на памятнике встречаются редко (Bendezu-Sarmiento, Lhuillier, 2011. P. 240; Lhuillier et al., 2015. P. 80–81). Учитывая явную недостаточность стратиграфических наблюдений для памятников лепной

расписной керамики, данные стратиграфические противоречия на поселении Улуг-депе вносят дополнительные сложности в понимание не только вопросов хронологии, но также происхождения и культурных связей населения лепной расписной керамики с предшествующими комплексами времени Намазга VI.

По мнению Е. Е. Кузьминой, некоторые металлические изделия общности лепной расписной керамики Южной Туркмении, возможно, имеют степное происхождение и могут быть типологически связаны с саргаринско-алексеевской традицией металлопроизводства (Кузьмина, 2008. С. 318–320).

Таким образом, рассматривая находки материалов степного типа в культурных слоях древнеземледельческих памятников Южной Туркмении, можно сделать следующие выводы: во-первых, степная керамика саргаринско-алексеевского типа массово фиксируется в верхних слоях археологических комплексов времени Намазга VI и в незначительном числе встречается в археологических комплексах типа Яз I; во-вторых, в археологических комплексах типа Яз I отмечается некоторое количество признаков, которые свидетельствуют о культурном влиянии степного саргаринско-алексеевского населения на Яз I (моделирование валиков на посуде, некоторые типы металлических изделий). Видимо, появление комплексов типа Яз I в Южной Туркмении следует относить к позднему саргаринскому, а возможно, даже к постсаргаринскому времени.

Рассмотрим материалы чувской культуры в контексте их культурных связей со степными комплексами Ферганской долины. В настоящее время здесь известно более десятка археологических памятников степного типа позднего бронзового века, представленных стоянками, небольшими могильниками и отдельными погребениями.

Территориально эти комплексы делятся на две локальные группы памятников: южную и западную. Первая группа включает могильники Карамкуль, Вуадиль, Чек, Арсиф, Япаги, Кашкарчи и Ташкурбан, которые расположены в южных районах Ферганской долины и исследованы в 1950–1970 гг. (Гамбург, Горбунова, 1956; 1957; Горбунова, 1995). Вторую группу памятников составляют стоянки степного типа, а также могильники Ходжи-Ягона и Дахана, обнаруженные в западной части Ферганской долины (кайракумская группа памятников) (Литвинский и др., 1962). Степень сохранности археологических комплексов степного

типа Ферганы чрезвычайно плохая, почти все они к моменту раскопок оказались разрушенными или ограбленными.

Погребальный обряд южно-ферганской группы могильников весьма разнообразен. По типам надмогильных сооружений погребения данной группы можно разделить на следующие: а) имеющие насыпь из земли и камня (Кашкарчи) или только камня (Вуадиль, Арсиф, Ташкуртан); б) имеющие оградки-выкладки различных форм, сложенные из камней, вкопанных в землю или положенных плашмя (Вуадиль, Чек, Арсиф, Япаги, Карамкуль); в) имеющие прямоугольные длинные каменные выкладки, разделенные на дорожки (Карамкуль, Япаги). Могильные ямы представлены двумя типами конструкций: 1) каменные ящики из плит, стоящих на торцах по стенкам могил и иногда имеющие каменные перекрытия (Вуадиль, Чек, Карамкуль, Арсиф); 2) катакомбы (Япаги, Кашкарчи) (Горбунова, 1995. С. 17).

Вследствие практически полной разрушенности захоронений положение умерших в могилах фиксируется в отдельных погребениях. В могильнике Вуадиль по остаткам костей в погребении № 37 было установлено, что умерший был уложен скорченно на левом боку, с подложенной под голову левой рукой, головой ориентированный на восток (Гамбург, Горбунова, 1956. С. 89). В могильнике Чек в одном из погребений положение костей дает основание полагать, что умерший был уложен на спине, головой на запад (Горбунова, 1995. С. 13). В катакомбных погребениях могильника Япаги умершие были уложены в скорченном положении на левом боку, головой на восток и северо-восток (Там же. С. 25–29).

Погребальный инвентарь представлен керамикой и небольшим количеством металлических изделий. Общее число найденной в погребениях глиняной посуды составляет около 20 сосудов. В основном это горшкообразные сосуды с широким устьем и слабо выраженной шейкой. Венчик у большинства сосудов плавно отогнут, плечики округлые, дно плоское. В единственном случае имеется сосуд с оттянутым валиком. Орнамент весьма редок и в основном нанесен на плечиках: ломаные линии, «елочка», косые и горизонтальные линии, овальные ямки, иногда встречаются незамкнутые и заштрихованные треугольники. Техника выполнения орнамента — гладкий штамп (Там же. С. 17–18). Из бронзовых изделий обнаружены: серьги с широким кованым раструбом и кольца с несомкнутыми концами в могильнике

Вуадиль; спиральные серьги с петлевидной дужкой в могильниках Арсиф, Кашкарчи и Япаги; зеркальца с петелькой в могильниках Арсиф и Япаги. Кроме женских украшений в могильнике Вуадиль обнаружен бронзовый двулопастный листовидный наконечник стрелы со скрытой втулкой, а в могильнике Кашкарчи — нож с намечающимся перекрестьем (Там же. С. 14–15, 20).

Н. Г. Горбунова датировала южно-ферганские могильники концом третьей четверти II тыс. до н. э. и выделила данные памятники в единую «культуру степной бронзы Ферганы», которую она, на основании анализа керамического материала, связывала с фёдоровской андроновской культурой в ее особом, местном варианте (Там же. С. 21).

Как видно, погребальный обряд степных могильников Южной Ферганы весьма разнообразен как по устройству погребальных конструкций, так и по положению погребенных в могилах. Единственный признак, объединяющий все эти комплексы, — полное отсутствие следов использования огня, который часто применялся в погребальном обряде фёдоровской культуры. Западная ориентировка умерших, характерная для андроновских (особенно для фёдоровских) племен, здесь встречается всего лишь один раз в могильнике Чек, но при этом погребенный был уложен на спине, что в принципе никак не увязывается с фёдоровскими погребальными традициями. Весьма интересен погребальный обряд могильника Япаги, где захоронения сделаны в катакомбах, в которых умершие уложены скорченно, головой на восток и северо-восток. В данном случае налицо явное влияние среднеазиатских земледельческих традиций на погребальный обряд пришлого степного населения. Непосредственно в Ферганской долине следы проникновения земледельческих племен фиксируются слабо, в эпоху бронзы территория их обитания охватывала более южные области Средней Азии. Ближайшие аналогии ферганским катакомбам можно найти в погребальных комплексах Юго-Западного Таджикистана (могильники Кумсай, Тандырйул и др.), генетически связанных с сапаллинской культурой Южного Узбекистана. Скорченное положение на боку и северо-восточная ориентировка погребенных были широко распространены в катакомбных погребениях земледельческого населения Юго-Западного Таджикистана (Виноградова, Пьянкова, 1990. С. 107; Виноградова, 1991. С. 72).

Абсолютная датировка степных памятников Южной Ферганы устанавливается по металлическим

изделиям. Лавролистный наконечник стрелы со скрытой втулкой из могильника Вуадиль и спиральные серьги из могильников Арсиф и Кашкарчи относятся к саргаринскому времени (Аванесова, 1991. С. 43, 57–58). Данную датировку подтверждает керамический материал, где присутствует сосуд с валиком, традиция изготовления которых распространяется в саргаринское время. Общий же облик керамики из могильников Южной Ферганы, их форма и скудность орнамента не имеют сходства с богато украшенной орнаментом керамикой фёдоровской культуры. Большая часть элементов погребальных конструкций также находит близкие аналогии в погребениях саргаринской культуры, где весьма часто применялись каменные ограды различных форм, выкладки, каменные ящики могил, обкладка стенок могил камнями (Зданович, 1979. С. 10). Все эти элементы погребальных конструкций тесно связаны с культурными традициями предшествующего фёдоровского времени. Однако саргаринские погребения от фёдоровских отличает неустойчивая ориентировка погребенных (Там же. С. 11), что характерно также и для ферганских комплексов.

Большинство признаков связывают погребальные комплексы степного типа Южной Ферганы с саргаринским временем андроновской культурной общности. Учитывая общую невыразительность материальных комплексов, могильники Южной Ферганы, по всей видимости, следует относить к заключительным периодам развития саргаринской культуры. Таким образом, по шкале хронологии андроновской культурной общности датировка этих комплексов приходится на конец XIII — XII в. до н. э.

Другая, западно-ферганская, группа памятников степной бронзы расположена в урочище Кайрак-Кумы, на территории Таджикистана. Здесь открыты стоянки степного типа, функционально связанные с древней металлообработкой и металлопроизводством, а также два небольших могильника Ходжи-Ягона и Дахана.

Поселенческие комплексы представлены в основном небольшими стоянками-поселениями с разветвленным культурным слоем. На стоянках найдено значительное количество лепной керамики со штампованным орнаментом, металлические изделия (ножи, наконечники стрел, долота, шилья), каменные литейные формы для отливки топоров и пр. Археологические комплексы кайраккумских стоянок отражают многокомпонентность степных традиций. Большая часть

керамических материалов относится к саргаринско-алексеевскому времени (гладкая профилировка тулова; отогнутый наружу венчик; прочерченный и штампованный гребенчатый елочный орнамент; наlepные валики, украшенные «жемчужинами»; венчики с косыми насечками; отсутствие орнамента на значительной части посуды). Металлические изделия, найденные в Кайрак-Кумах, находят широкие аналогии в фёдоровских, алексеевских, бегазы-дандыбаевских, карасукских и других памятниках степной зоны. Видимо, это можно объяснить тем, что кайраккумская группа памятников представляла собой один из древних центров добычи, производства и обработки металлов, имевший обширные связи с различными регионами степной зоны Евразии и Южной Сибири. Хронологически кайраккумские комплексы эпохи бронзы датируются второй половиной II — началом I тыс. до н. э. (Литвинский и др., 1962. С. 258).

В могильнике Ходжи-Ягона западно-ферганской группы степных погребальных памятников обнаружены три могилы ящичного типа подпрямоугольной формы, ориентированные по сторонам света, каждая из которых была сложена из четырех поставленных на ребро плит. Размеры ящиков составляли в среднем $1,15 \times 0,85$ м, высота 0,5 м. Внутри ящиков найдены отдельные человеческие кости. Погребальный инвентарь составили два бронзовых пластинчатых выпукло-вогнутых браслета с несомкнутыми концами, бронзовая овальная бляшка, три бусины (Там же. С. 117–118).

В могильнике Дахана обнаружено семь погребений. Погребальные камеры представлены каменными выкладками прямоугольной и овальной форм, составленными из нескольких рядов поставленных друг на друга камней, заглубленных в землю примерно на 1 м. Размеры камер — $1,7 \times 1,0$ м. Внутри могилы были заполнены мелкой щебенкой. Сохранность скелетов плохая. Погребальный инвентарь состоял из единственной бронзовой серьги с широким раструбом и глиняного горшка с плавной линией тулова, отогнутым наружу венчиком и плоским дном. На плечики сосуда нанесен гребенчатый орнамент в виде горизонтальных и вертикальных линий (Там же. С. 160–164).

Западно-ферганские погребальные комплексы были датированы первой — началом второй четверти I тыс. до н. э., при этом отмечалось, что устройство могильных камер находит ана-

логии в памятниках андроновской и в особенно карасукской культур — в частности, по мнению авторов раскопок, отсутствие каменных оградок вокруг могил является признаком карасукской культуры (*Там же*. С. 164). Н. Г. Горбунова рассматривала западно-ферганские погребения в одном хронологическом ряду с могильниками Южной Ферганы и относила их к местному варианту фёдоровской культуры, носители которой обитали на территории Ферганской долины в пределах третьей четверти II тыс. до н. э. (*Горбунова*, 1995. С. 20–21).

Конструкции погребальных сооружений — каменный ящик из поставленных на ребро плит могильника Ходжи-Ягона и каменные цисты могильника Дахана — достаточно широко использовались в степной зоне в позднем бронзовом веке, начиная с алакульского до бегазы-дандыбаевского времени. Основным датирующим материалом здесь являются серьги с широким раструбом и пластинчатые выпукло-вогнутые браслеты, бытование которых относится к фёдоровскому времени. Керамический сосуд из могильника Дахана в целом имеет позднефёдоровские признаки — особенно выразителен орнамент в виде горизонтальных и вертикальных полос, выполненных гребенкой. Это позволяет отнести погребальные комплексы степного типа Западной Ферганы к позднему периоду фёдоровской культуры.

Учитывая достаточно широкое распространение племен степного типа на территории Ферганской долины, время существования которых в целом приходится на XV–XII вв. до н. э., следовало бы ожидать и большего числа свидетельств их культурных контактов с чувскими племенами, если исходить из точки зрения одновременного и долговременного обитания здесь степного и чувского населения. Однако совместные находки степных и чувских материалов на памятниках Ферганской долины достаточно редки, но хронологически при этом весьма показательны.

В курганном могильнике степного типа Таш-курган в ряде погребений были обнаружены чувские материалы: две полусферические чаши, одна из которых покрыта росписью (рис. 1, 1, 2), а также плоскодонный сосуд с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком, внешняя поверхность которого покрыта красной краской, подобно чувской керамике (рис. 1, 3) (*Горбунова*, 1979. С. 22–23). Серия аналогичных по форме сосудов с округлым туловом, отогнутым наружу венчиком и без орнамента (рис. 1, 4–9), совместно с керамикой

чувской культуры (рис. 1, 10–12) найдена в ряде погребений позднего бронзового века хронологически разновременного могильника Дашти-Ашт в Западной Фергане (*Салтовская*, 1979. С. 352–353). Практически аналогичные по форме слабо орнаментированные сосуды имеются в могильнике степного типа Вуадиль южно-ферганской группы (*Гамбург*, *Горбунова*, 1956. С. 132). Керамика такого типа известна в керамических материалах позднесаргаринского времени на древнеземледельческих поселениях Намазга-депе, Теккем-депе и других на юге Туркменистана. Плоскодонные горшки с плавной профилировкой, отогнутым наружу венчиком и отсутствием орнамента на территории Средней Азии характерны для комплексов позднего саргаринского времени (*Кутимов*, 1999. С. 315).

Находок керамики степного типа на поселениях чувской культуры известно чрезвычайно мало — это единичные находки. Фрагмент верхней части сосуда саргаринского вида с отогнутым наружу венчиком, высоким горлом и штампованным орнаментом на плечиках в виде треугольников с опущенными вниз вершинами обнаружен на поселении Дальверзин (*Заднепровский*, 1962. С. 24–25, рис. 5). Пять фрагментов керамики, украшенных резным и гребенчатым орнаментом (рис. 2), найдены на Ошском поселении чувской культуры (*Заднепровский*, 1997. С. 51–52). Ю. А. Заднепровский без особых оснований датировал их XV–XIII вв. до н. э., тем самым подчеркивая возможность удревнения чувской культуры до середины II тыс. до н. э. (*Там же*. С. 81). Однако по фактуре и мотивам орнаментации данные фрагменты сосудов имеют наиболее близкие аналогии в керамике рассмотренных выше погребальных комплексов юга Ферганской долины, происходящей из могильников Карамкуль, Чек, Арсиф, Кашкарчи, Вуадиль, Япаги и др. Последние по ряду признаков (например, двуллопастный листовидный наконечник стрелы с конической втулкой из могильника Вуадиль) следует датировать поздним саргаринским временем.

Одной из наиболее интересных находок степного типа на памятниках чувской культуры является бронзовый двуллопастный наконечник копья с прорезьями (рис. 3). Он найден в 1965 г. при раскопках в западной части поселения Дальверзин (*Заднепровский*, 1966). По описанию Ю. А. Заднепровского, стратиграфический шурф был заложен в 20 м от юго-западного угла раскопа V для «выяснения характера культурных отложений на

Рис. 1. Керамика из погребальных комплексов Ферганской долины: 1–3 — могильник Ташкурган (Горбунова, 1979. Рис. 2); 4–12 — могильник Дашти-Ашт (Салтовская, 1979. Рис. 2; 3)

Fig. 1. Pottery from burial complexes of the Fergana Valley: 1–3 — cemetery of Tashkurgan (Горбунова, 1979. Рис. 2); 4–12 — cemetery of Dashti-Asht (Салтовская, 1979. Рис. 2; 3)

западном краю холма». Сразу под дерновым слоем залегал рыхлый пылеватый культурный слой, в котором найдены целая каменная зернотерка, обломки каменных зернотерок, а также «много керамики». На отметке 80 см выявлена прослойка плотного суглинки, вероятно, остатки пола помещения. В полу была расчищена небольшая хозяйственная яма, внутри которой найдены бронзовый наконечник копья и обломок бронзового стержня-шила. В нижней части шурфа на глубине 2,2 м обнаружена прослойка угля толщиной 25 см, ниже которой находился материковый лесс (Заднепровский, 1965. С. 16). Следует особо отметить, учитывая большое значение данной находки в качестве хронологического маркера, что наконечник прорезного копья обнаружен в культурном слое — в верхнем стратиграфическом строительном горизонте поселения Дальверзин.

Наконечник копья из Дальверзина имеет перо узкоостролистной формы, максимальная ширина которого приходится на последнюю треть. Прорези на перо окружены невысокими, но хорошо заметными валиками. На лезвийной части с одной стороны пера имеется ряд зубрин, которые делают его слегка асимметричным. Выступающая

часть втулки сильно удлинена. С боковой стороны фиксируется вытянутое овальное отверстие — результат литейного брака. В нижней ее части располагаются два небольших круглых отверстия для крепления изделия к древку. Наконечник копья был отлит в двусторонней литейной форме, литник у которой располагался со стороны устья втулки. Изделие после отливки было обработано и заточено. Общая длина наконечника составляет 16,2 см, из которых длина пера — 9 см, длина выступающей части втулки — 7,2 см, максимальная ширина пера — 3 см, диаметр втулки — 2,3 см. Обращает на себя внимание большая длина выступающей части втулки. Пропорциональное соотношение длины втулки к длине пера составляет 0,8, то есть втулка занимает почти 45 % от общей длины изделия, что является достаточно высоким показателем по сравнению с другими изделиями этой группы.

Наконечник из Дальверзина — не единственная находка наконечников копий с прорезями на памятниках чустской культуры Ферганской долины. Аналогичный прорезной наконечник копья обнаружен на небольшом чустском поселении Заргулдак-тепе в ходе разведочных работ

В. И. Козенковой в 1956 г. в Андижанской области (Козенкова, 1959. С. 57). Рисунок найденного на Заргулдак-тепе прорезного наконечника копья в публикациях отсутствует, однако в литературе неоднократно встречаются упоминания о данной находке (Заднепровский, 1962. С. 47; Кузьмина, 1966. С. 30, 101; Членова, 1970. С. 140). Из описания Е. Е. Кузьминой следует, что изделие имело лавролистное перо и далеко выступающую, круглую в сечении втулку. На перо с обеих сторон фиксировались овальные прорезы (Кузьмина, 1966. С. 30).

Прорезные наконечники копий широко известны в степной зоне Евразии. Основной территорией их распространения является южная половина Восточной Европы, а именно Волго-Уралье и Поднепровье (Бочкарёв, Тутаева, 2019). Здесь традиция использования прорезных наконечников копий была особенно устойчива и бытовала на протяжении всей второй половины II тыс. до н. э. В Волго-Уральском регионе она просуществовала вплоть до начала раннего железного века (Збруева, 1952. Табл. XX, 1, 15, 21).

Дальверзинский экземпляр можно уверенно отнести к так называемому сабанчеевскому типу прорезных наконечников, который был широко распространен в степной и лесостепной частях Северной Евразии. Ареал этого типа простирался от Днепра до южных притоков Енисея, заходя на территорию Северного Кавказа и Средней Азии (рис. 4). Для этого типа характерны изделия средних пропорций. Перо имеет преимущественно остролистную форму, в его нижней части располагаются два небольших отверстия. Края этих отверстий, как правило, утолщены или укреплены тонкими валиками. Наиболее яркие экземпляры этого типа отличаются от прочих сильно удлиненной втулкой, длина которой может занимать половину от общей длины наконечника (рис. 5).

Хронологические рамки сабанчеевского типа определяются по ряду комплексных находок, датируемых финалом эпохи бронзы. В первую очередь стоит отметить два клада: сабанчеевский в Волго-Уральском регионе и клад из станицы Упорная на Северном Кавказе. По мнению большинства исследователей, они датируются XII в. до н. э. (Мерперт, 1965; Антекарев, Козенкова, 1986; Бочкарёв, 2017. С. 175–176). В этих комплексах наконечники копий встречаются с кельтами так называемого младшего кардашинского типа. Последние в свою очередь являются частой находкой в комплексах ранней белозерской

Рис. 2. Фрагменты керамики степного типа Ошского поселения (Заднепровский, 1997. Рис. 45)

Fig. 2. Fragments of pottery of the steppe type from the Osh settlement (Заднепровский, 1997. Рис. 45)

Рис. 3. Прорезной наконечник копья с поселения Дальверзин (Заднепровский, 1965. Л. 48–49)

Fig. 3. Slotted spearhead from the settlement of Dalverzin (Заднепровский, 1965. Л. 48–49)

Рис. 4. Карта распространения наконечников копий сабанчеевского типа

Fig. 4. Map of the distribution of spearheads of the Sabancheyev type

культуры Северного Причерноморья. Их относят к VI периоду по периодизации В. С. Бочкарёва, где такие кельты являются одним из важнейших маркеров этого хронологического этапа (Бочкарёв, 2017. С. 174–175). Кроме кладовых комплексов также имеются и погребальные. В первую очередь следует отметить погребения маклашеевской культуры Западного Приуралья. Прорезные наконечники обнаружены в двух погребениях Мурзихинского-II (погр. 227) и Маклашеевского-II (погр. 9А) могильников. Маклашеевская культура датируется финальным периодом эпохи бронзы, то есть XII–X вв. до н. э. На Северном Кавказе следует упомянуть находку наконечника сабанчеевского типа из Майртупского-II могильника (погр. 3), который относится к раннему этапу кобанской культуры (Vinogradov, Dudarev, 2000. Р. 399–401). Такие наконечники нередко находят и на поселениях позднего бронзового века. Примером могут служить находки с поселений Лебяжинка-II (Волго-Урал), Хапры (Нижнее Подонье), Черноозерье-VIII (Юго-Запад Сибири). В памятниках раннего железного века для большинства территорий прорезные наконечники копий уже не фиксируются. Исключением является только Волго-Уральский регион, где производство прорезных наконечников продолжалось. Но здесь они приобрели новые формы и потому должны быть отнесены к иному типу, чем сабанчеевские.

Таким образом, прорезные наконечники сабанчеевского типа следует датировать концом эпохи бронзы, абсолютные даты которого охватывают период XII–X вв. до н. э.

Вероятно, среднеазиатские экземпляры следует связывать с восточноевропейскими типами прорезных наконечников копий. Эта идея ранее уже высказывалась в литературе (Кузьмина, 1966. С. 31), и в последнее время она становится более убедительной ввиду увеличения источниковедческой базы. Согласно хронологической схеме В. С. Бочкарёва, сабанчеевский тип прорезных наконечников копий датируется VI–VII периодами, или XII–X вв. до н. э. (Бочкарёв, 2017. С. 196). Территориально прорезной наконечник копья из Дальверзина находится на значительном удалении от основной территории их распространения и является, скорее всего, привозным изделием. Отдаление от основного ареала бытования прорезных наконечников копий данного типа, их малочисленность, а также отсутствие литейных форм для их изготовления на территории Средней Азии существенно влияют на датировку данного копья в сторону омоложения.

Для верхней границы абсолютной хронологии чувской культуры хронологическими реперами являются находки в верхних слоях поселений Чуст и Дальверзин изделий конской упряжи: роговых псалий, бронзовых удилов и каменной литейной формы для изготовления трехдырчатого

Рис. 5. Прорезные наконечники копий сабанчеевского типа: 1 — Кутан, пос. Иловля, Иловлинский р-н, Волгоградская обл., РФ (Бочкарёв, Тутаева, 2019. Рис. 24, 128); 2 — Солдатское, Великописаревский р-н, Сумская обл., Украина (Там же. Рис. 25, 144); 3 — Новочеркасск, ур. Глушица, Волгоградская обл., РФ (Там же. Рис. 24, 136); 4 — быв. Херсонская губ., Украина (Там же. Рис. 25, 154); 5 — Сабанчеево, Атяшевский р-н, Республика Мордовия, РФ (Там же. Рис. 25, 141); 6 — Черноозерье-VIII, Саргатский р-н, Омская обл., РФ (Там же. Рис. 26, 158); 7 — Упорная, Лабинский р-н, Краснодарский край, РФ (Аптекарев, Козенкова, 1986. Рис. 1, 1); 8 — близ пос. Новосадовый, Белгородский р-н, Белгородская обл., РФ (Бочкарёв, Тутаева, 2019. Рис. 24, 135); 9 — Дальверзин, Андижанская область, Узбекистан (Заднепровский, 1965. Л. 49)

Fig. 5. Slotted spearheads of the Sabancheyevo type: 1 — Kutan, settlement of Ilovlya, Ilovlya district, Volgograd oblast, RF (Бочкарёв, Тутаева, 2019. Рис. 24, 128); 2 — Soldatskoye, Velikopisarev district, Sumy Oblast, Ukraine (Ibid. Рис. 25, 144); 3 — Novocherkassk, Glushitsa, Volgograd oblast, RF (Ibid. Рис. 24, 136); 4 — former Kherson Province, Ukraine (Ibid. Рис. 25, 154); 5 — Sabancheyevo, Atyashevo district, Republic of Mordovia, RF (Ibid. Рис. 25, 141); 6 — Chernoozerye-VIII, Sargat district, Omsk Oblast, RF (Ibid. Рис. 26, 158); 7 — Upornaya, Labinsky District, Krasnodar Krai, RF (Аптекарев, Козенкова, 1986. Рис. 1, 1); 8 — near the urban settlement of Novosadovyy, Belgorod district, RF (Бочкарёв, Тутаева, 2019. Рис. 24, 135); 9 — Dalverzin, Andizhan Oblast, Uzbekistan (Заднепровский, 1965. Л. 49)

псалия. На основании близкого сходства обнаруженных на чустских поселениях предметов конской упряжи с материалами различных памятников предскифского периода Восточной Европы, Кавказа, Ирана и Средней Азии время их существования было отнесено к VIII–VII вв. до н. э. (Заднепровский, 1962. С. 67–68; Кузьмина, 1966. С. 60; Тереножкин, 1965. С. 80; 1971. С. 70).

Таким образом, учитывая находки чустских материалов в комплексах степного типа Ферганской долины и степных материалов в слоях поселений чустской культуры, можно сделать следующие выводы. Нижняя граница существования чустской культуры главным образом приходится на позднесаргаринское время, что в абсолютных значениях определяется концом XIII — первой половиной XII в. до н. э. Ее верхняя хронологическая граница устанавливается по находкам изделий конской упряжи предскифского времени, найденных в верхних слоях поселений Чуст и Дальверзин, и должна датироваться концом IX — началом VIII в. до н. э. В целом хронологические рамки чустской культуры Ферганской долины следует определять в границах от позднесаргаринского до предскифского времени, что с учетом современных представлений о хронологии степных культур Евразии приходится на XII–IX вв. до н. э.

При этом можно допустить возможность небольших корректировок как в сторону удрежнения (не ранее второй половины XIII в. до н. э.), так и омоложения (не позднее первой половины VIII в. до н. э.). Общий период существования чустской культуры на территории Ферганской долины в пределах 400 лет (XII–IX вв. до н. э.) подтверждается стратиграфией чустских поселений Дальверзин и Чуст, где культурные отложения составляют в среднем от 1,5 до 3,0 м, иногда достигая 3,5 м. Более длительные хронологические рамки чустской культуры (XV–VIII вв. до н. э.) абсолютно несоразмерны стратиграфической величине культурных слоев чустских памятников.

Датирование чустской культуры более ранним временем (XV–XIV вв. до н. э.) и предлагаемые схемы синхронизации чустских материалов с более ранними археологическими комплексами нуждаются в аргументах, основанных на стратиграфических и сравнительно-типологических наблюдениях. Данные естественнонаучных методов датирования в условиях явно недостаточного их применения в настоящее время при исследованиях памятников «общности лепной расписной керамики» пока не предоставляют возможностей для построения надежных хронологических схем археологических культур позднего бронзового века Средней Азии.

Аванесова, 1991 — Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Фан, 1991. 200 с.

Аванесова, 2013 — Аванесова Н. А. Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: Изд-во МИЦАИ, 2013. 640 с.

Аптекарев, Козенкова, 1986 — Аптекарев А. З., Козенкова В. И. Клад эпохи поздней бронзы из станции Упорной (Краснодарский край) // СА. 1986. № 3. С. 121–135.

Бочкарёв, 2017 — Бочкарёв В. С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // StratumPlus. Кишинев: ВАШ, 2017. № 2: Они сошлись — металл и камень. С. 159–204.

Бочкарёв, Тутаева, 2019 — Бочкарёв В. С., Тутаева И. Ж. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий // StratumPlus. Кишинев: ВАШ, 2019. № 2: Вражда и ваджра: сила и слава праистории. С. 167–222.

Виноградова, 1991 — Виноградова Н. М. Могильник Тандырыул в Южном Таджикистане // Информа-

ционный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.: Наука, 1991. Вып. 18. С. 68–88.

Виноградова, 2004 — Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.: ИВ РАН, 2004. 298 с.

Виноградова, Пьянкова, 1990 — Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.: Наука, 1990. Вып. 17. С. 98–112.

Воронец, 1954 — Воронец М. Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950–1951 гг. // Тр. Музея истории УзССР. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1954. Вып. 2. С. 53–84.

Гамбург, Горбунова, 1956 — Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК. 1956. № 63. С. 85–93.

Гамбург, Горбунова, 1957 — Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. 1957. № 3. С. 130–135.

- Горбунова, 1979 — Горбунова Н. Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы) // СА. 1979. № 3. С. 16–34.
- Горбунова, 1995 — Горбунова Н. Г. О культуре степной бронзы Ферганы // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 13–30.
- Древнейшие государства, 1985 — Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). 496 с.
- Заднепровский, 1957 — Заднепровский Ю. А. Дальверзинское селище // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 50–57.
- Заднепровский, 1962 — Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (МИА; № 118). 328 с.
- Заднепровский, 1965 — Заднепровский Ю. А. Отчет о раскопках на Дальверзинском поселении в 1965 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. № 83. 1965.
- Заднепровский, 1966 — Заднепровский Ю. А. Работы в Узбекистане // АО 1965 года. М.: Наука, 1966. С. 82–83.
- Заднепровский, 1978 — Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.06: Археология / ЛОИА АН СССР. М.: б/и, 1978. 52 с.
- Заднепровский, 1997 — Заднепровский Ю. А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. 172 с.
- Заднепровский, Матбабаев, 1984 — Заднепровский Ю. А., Матбабаев Б. Х. Новые данные о древнеземледельческой чустской культуре Ферганы // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.: Наука, 1984. Вып. 7. С. 38–45.
- Збруева, 1952 — Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА; № 30). 326 с.
- Зданович, 1979 — Зданович С. Я. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06: Археология / МГУ им. М. В. Ломоносова, ист. фак., кафедра археологии. М.: б/и, 1979. 19 с.
- Козенкова, 1959 — Козенкова В. И. Археологические работы в Андижанской области в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 76. С. 56–62.
- Кузьмина, 1966 — Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. В4–9). 149 с.
- Кузьмина, 2008 — Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 558 с.
- Кутимов, 1999 — Кутимов Ю. Г. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // StratumPlus. Кишинев: ВАШ, 1999. № 2: От Балкан до Гималаев: время цивилизаций. С. 314–322.
- Кутимов, 2014 — Кутимов Ю. Г. К вопросу о культурных контактах степного и земледельческого населения в позднем бронзовом веке на территории Туркменистана // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / Отв. ред. В. А. Алёшин. СПб.: Арт-Экспресс, 2014 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLII). С. 86–96.
- Кутимов, 2019 — Кутимов Ю. Г. Археологические исследования памятников бронзового века в западных районах Таджикистана // Вестник РФФИ. 2019. № 1 (94). С. 163–177.
- Литвинский и др., 1962 — Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе: Изд-во АН Таджик. ССР, 1962. 404 с.
- Марущенко, 1959 — Марущенко А. А. Елькен-депе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // Тр. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во АН Туркм. ССР, 1959. Т. V. С. 54–109.
- Массон, 1959 — Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 73). 216 с.
- Матбабаев и др., 2006 — Матбабаев Б. Х., Абдуллаев Б. М., Юлдашев Б. Исследования памятников Ферганы эпохи поздней бронзы (городища Дальверзин, Ашкалтепа) // Археологические исследования в Узбекистане (2004–2005 гг.). Ташкент: Фан, 2006. Вып. 5. С. 143–152.
- Мерперт, 1965 — Мерперт Н. Я. Сабанчеевский клад // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселева. К 60-летию со дня рождения. М.: Изд-во АН СССР, 1965 (МИА; № 130). С. 149–155.
- Рузанов, 1999 — Рузанов В. Д. Еще раз о хронологии чустской культуры Ферганы // РА. 1999. № 4. С. 24–37.
- Рузанов, 2013 — Рузанов В. Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд: ИА АН Республики Узбекистан, 2013. 347 с.
- Салтовская, 1979 — Салтовская Е. Д. О работах Аштского отряда СТАКЭ в 1974 г. // Археологические

- работы в Таджикистане. Душанбе: Изд-во АН Тад-
жик. ССР, 1979. Вып. 14. С. 343–355.
- Сарианиди, 1972 — Сарианиди В. И. Раскопки 1970 г.
на Улуг-депе // Успехи среднеазиатской археоло-
гии. Л.: Наука, 1972. Вып. 1. С. 53–55.
- Спришевский, 1957 — Спришевский В. И. Чустское
поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 года) // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 40–49.
- Спришевский, 1963 — Спришевский В. И. Чустское
поселение. К истории Ферганы в эпоху бронзы: Ав-
тореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06: Археология /
Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии.
Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1963. 17 с.
- Тереножкин, 1965 — Тереножкин А. И. Основы хроноло-
гии предскифского периода // СА. 1965. № 1. С. 63–85.
- Тереножкин, 1971 — Тереножкин А. И. Даты минге-
чаурских удил // СА. 1971. № 4. С. 71–84.
- Членова, 1970 — Членова Н. Л. Датировка ирменской
культуры // Проблемы хронологии и культурной
принадлежности археологических памятников
Западной Сибири: Материалы совещания 25–31
мая 1970 года / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск:
ТомГУ, 1970. С. 133–149.
- Щетенко, Кутимов, 1999 — Щетенко А. Я., Кути-
мов Ю. Г. Керамика степного облика эпохи поздней
бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // АВ. 1999. № 6. С. 114–123.
- Bendezu-Sarmiento, Lhuillier, 2011 — Bendezu-
Sarmiento J., Lhuillier J. Iron Age in Turkmenistan:
Ulug-Depe in the Kopetdagh Piedmont // Памят-
ники истории и культуры Туркменистана. Аш-
габат: Туркменская гос. издат. служба, 2011.
С. 239–250.
- Lhuillier et al., 2015 — Lhuillier J., Bendezu-Sarmiento J.,
Lecomte O. Ulug-Depe in the frame of Turkmenistan
Iron Age: an overview // Iranian Archaeology. 2015.
Vol. 4. P. 78–89.
- Vinogradov, Dudarev, 2000 — Vinogradov V. B.,
Dudarev S. L. Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei
Majrtup in Čečenien // Eurasia Antiqua. 2006. № 6.
S. 361–403.

Archaeological complexes of the steppe type and the problem of absolute dating of the Chust culture of the Fergana Valley

Yu. G. Kutimov, I. Zh. Tutaeva

This work discusses the questions of the absolute chronology of the Chust culture of the Late Bronze Age — Early Iron Age in Central Asia. The territory of the distribution of this culture comprised in antiquity practically the entire north-eastern area of the modern Fergana Valley. According to natural-scientific methods of investigations (radiocarbon, spectral analysis of the metals), the lower chronological limit of the Chust culture is dated to the 15th–14th century BC running contrary to stratigraphic and comparative typological observations at sites of the “Community of Painted Pottery” in Central Asia. The findings of the Chust pottery in association with the pottery of the late-Sargarin type in Tashkurgan and Dashti-Asht funerary complexes of the steppe type of the late Bronze Age in the Fergana Valley (Fig. 1), fragments of the “steppe” pottery from the Osh and Dalverzin settlements (Fig. 2), a bronze slotted spearhead of the Sabancheyevo type (Fig. 3) retrieved from the upper building horizon of the site of Dalverzin, as well as items of horse gear of the late Scythian period from the settlements of Chust and Dalverzin, date the time of the spread of the Chust culture to within the 12th–9th century BC. Dating of the Chust culture to an earlier period (15th–14th century BC) and the proposed schemes of synchronization of the Chust materials with earlier archaeological complexes need arguments based on stratigraphic and comparative typological definitions. The results of natural-science methods of dating, considering their clearly inadequate application at present for investigations of sites of the “community of the handmade painted pottery”, so far yield no possibility for development of reliable chronological schemes of archaeological cultures of the Late Bronze Age in Central Asia.